

Г.Г. Радов (1915—1975)

Безнаказанность

Во что обходится!

Этой истории одиннадцать лет, я же познакомился с ней позапрошлой зимой: пришло письмо из города Тима.

Яблочный этот городок – в Курской области. Помню декабрь сорок первого года, когда Тим освобождали от оккупантов. С военным корреспондентом «Правды» Ульяном Жуковиным мы добрались до центра городка в то же утро: Тим был разбомблен, изувечен. А потом, летом, его снова занимали фашисты, и жгли, и рушили... И когда навещал его после войны, он еще не отстроился как следует. А от железной дороги недалеко – это я к тому, что понимаю жителей: для каждого из них новый дом – праздник, а уж новая районная больница тем более – как ее ждали! Старая мала, а в областную не наездишься...

Больница строилась десять лет. Десять! – и какая прорва бумаги исписана: решения, приказы, телеграммы... Но ничто не действовало: «стойкие» попались строители! Наконец забрезжил рассвет: 30 июня 1971 года объявили, что больница вступила в строй. Когда я увидел в письме дату: 30 июня, последний день полугодия, – тотчас заподозрил неладное. Представил себе: «горел план», и какой-то конторе нужно было во что бы то ни стало отчитаться за больницу, разумеется, готовую...

Все оказалось именно так, кроме одного: больница была недостроена. Еще нужно было несколько месяцев с ней повозиться. Но вместо этого два начальника-строителя предъявили больницу «к сдаче». Председатель комиссии не подписал акта, но начальник ОКСа Курского облисполкома (и ему тоже нужна была «птичка») занес незаконченные строения в государственный отчет ЦСУ...

Я сидел над письмом, прикидывая, как тут помочь беде, к кому обратиться. Но пришла свежая почта, а в ней газета «Сельская жизнь» с письмом, совершенно аналогичным тому, что у меня на столе. Врачи излагали дело во всех подробностях, а корреспондент газеты Алексей Трубников подтверждал и комментировал факты... Дорогие друзья, прошло еще – сколько же? – почти четырнадцать месяцев, и на днях – абсолютно для меня неожиданная печальная весть из того же Тима! Оказывается, в больнице немало сделано, но все-таки... родильное отделение не готово. Двери по-прежнему не в порядке. Водонапорная башня не довершена. В рентгеновском кабинете раздеваться опасно: еще схватишь воспаление легких. Есть подозрение, что котел вообще поставили не такой, как нужно...

Я был поражен отвагой и бесстрашием строительных начальников. Что за железные люди! Их – с поличным! – поймали на очковтирательстве, прямом обмане государства. Их печатно! – уличили в явной халтуре и нарушении государственной дисциплины. Их и до этого обсуждали и осуждали на заседаниях в райисполкоме и районном комитете народного контроля. А после выхода газеты ими занимались Министерство сельского строительства РСФСР и облисполком. Это в их адрес официально записано: «осудить порочную практику», «обязать», «принять меры», «предупредить». Казалось, уж после

всего этого они, хотя бы во искупление грехов, должны приналечь на работу, что называется, со всей душой и больницу отделать всем на удивление. А они халтурят по-прежнему. Как ни в чем не бывало...

Откуда столь бетонная выдержка?

Разбираюсь и вижу: э, для бесстрашия есть основания! Оказывается, все эти «испепеляющие» слова насчет «порочной практики» и ответственности не имеют никакой реальной сути. На самом деле никто из виновников (кроме одного, снятого «по совокупности») не понес никакого урона. Людей, нарушивших закон (а очковтирательство по закону – уголовное преступление!), не только не отдали под суд, но даже административно не наказали. Словесная гроза – в который раз за одиннадцать лет! – пронеслась над их головами, не коснувшись ни волоска...

Одна важная особенность: объективные экономические затруднения, что порой мешают нам в разных областях жизни, тут были решительно ни при чем.

Государство, несмотря на напряженность бюджета, нашло деньги, отпустило материалы, оборудование. Дело же было загублено только одним:

разболтанностью в строительной конторе и тресте...

Разболтанность... Нередко происходят из-за нее всякого рода несообразности, неувязки, допускаются промахи в хозяйстве и сфере услуг, транжируются деньги. И если опаздывают поезда, не по адресу попадают грузы, из магазинов вдруг ни с того ни с сего исчезают либо горчица, либо галстуки, теряются письма, барахлят телефоны, гниют овощи, сдаются недоделанные постройки и так далее и тому подобное, то это, как правило, из-за нее – разболтанности. Во что же, в какую то есть цену, она обходится?

ЦСУ, естественно, такого учета не ведет. Но, например, я узнал из очерка А. Аграновского, что, по данным Госстандарта СССР, семьдесят пять процентов – три четверти! – забракованных (нестандартных) изделий промышленности недоброкачественны только по этой причине: разболтанности исполнителей. Помня об этом официальном выводе, я уже по-другому отношусь к некоторым фактам, названным в текущей прессе. Ну, например, к такому: в Москве торговля ежегодно бракует более чем на миллион рублей обуви отечественных фабрик. Значит, прикидываю я, каждые три из четырех забракованных ботинок, сапог и туфель были испорчены ни за что ни про что! Не технические сложности, а именно разболтанность в разных звеньях кожевенно-обувного конвейера – вот что превратило эту обувь в брак – носить ее нельзя...

Итак, перед нами явление нешуточное. А кто носитель?

* * *

«Закоренелые» и «разовые»

Кажется, нет ничего легче – пользуясь и воображением, и фельетонами, и сатирическими сценками с 16-й полосы «Литгазеты», олицетворить это явление в определенном типе и наделить его «живыми чертами». Он, «разболтанный» наш согражданин, вот каков. Ленив, беспамятен и потому непременно что-либо затягивает, задерживает, запутывает, отвечать ни за что не хочет, а еще обманывает и начальство, и партнеров, и клиентов. И хамит. И прочее, и прочее, и прочее...

Есть ему и наименования в словарях. Ну, например, «халтурщик» – то есть тот, «кто делает халтуру», а последняя по тому же толковому словарю обозначена как «небрежная, недобросовестная работа, обычно без знания дела». Или еще

«чиновник» – то есть, как сообщает словарь уже энциклопедический, «человек, относящийся к своей работе формально, с холодным равнодушием, без интереса, бюрократически...».

Выходит, носители зла настолько известны, что попали в энциклопедические издания. Однако объяснять их живучесть только, как бы сказать, генетически (в семье не без урода!) – верх простодушия. Халтурщик и чиновник здравствуют лишь в подходящей – и питательной, и защитной – среде. Какой?

Без-на-ка-зан-ность! – вот что их и кормит, и поит, и обороняет.

Если бы халтурщик верил, что, допустим, за недобросовестность и очковтирательство на больничной стройке его, как и положено по закону, упекут в тюрьму (беру крайний случай, где проступок подпадает под статью Уголовного кодекса), стал бы он обманным путем добывать «галочку» в отчете? Зачем ему «галочка», если вслед за ней неотвратимо последует решетка? Нет, не стал бы он этого делать, если б верил в дурные последствия!

Но он в них не верил – и имел все основания не верить! – вот в чем вся штука. Мне скажут: так ты за жестокость? За устрашение? У нас что, нет других мер? Но, товарищи, мы-то в данном и подобных случаях имеем дело с откровенной халтурой.

Да, мы гуманны, добры, и если вдруг где-то кого-то незаслуженно уволили, наказали, ущемили чьи-то права – мы враз встаем на его защиту. Оборонить человека от несправедливости считается первейшим долгом и у меня, как и у моих коллег, на корреспондентском счету есть в этом смысле удачи.

Но ведь и халтурщик – он же совсем не промах! – не прочь вкусить от этого доброго времени, от гуманизма советского общества, который совсем не про него.

Он напортачил, нашкодил, ввел казну в лишние траты, расстроил нервы сотням людей, но, представьте, не боится ни «грозных» приказов, ни фельетонных стрел, так как рассчитывает именно на доброту и терпимость. И, прежде всего – непосредственного начальства. И ведь, как видите, не ошибается!

Ах, как это соблазнительно – слыть гуманным начальником! Об иных «милягах» я слышал, говорят просто на воровском жаргоне:

– А наш-то шеф – золото! Ни за что не продаст! Всю вину возьмет на контору, а тебя не подставит. Душа!

И появляется категория совершенно неувольнимых халтурщиков и чиновников. То есть, как бы они ни портили дело – ни за что не могут вырваться из определенной должностной орбиты. «Души начальники» берегут их, как малых детей. Вот уже несколько лет в крупном городе вращается один такой неувольнимый «гуманитарий». Последовательно служил в управлении культуры, на киностудии, в редакции. На всех постах проваливался и, по общему мнению, – совершенный бездельник и невежда. Но не далее как минувшим летом я был свидетелем разговора двух умных, добрых работников насчет него. «Слушай, ну куда же его еще устроить?! В редакции-то стонут! Давай-ка подберем ему что-нибудь совсем безответственное рублей на триста, а? Ну, что-нибудь такое, чтоб не мешал». – «На триста? Трудновато на триста, разве на сто семьдесят?» – «Мало ему сто семьдесят. Он, понимаешь, привык...» Я смотрел и не мог понять: ну почему они, хорошие, дельные, умные так носятся с этим прохиндеем? Он им и не сват, и не брат, и не собутыльник. Просто жалеют?

Но это я о халтурщиках явных, заметных, что называется, с печатью на лбу.

Только в жизни – когда исследуешь случаи разболтанности – чаще встречаешь

халтурщиков иной, более сложной модификации. Не постоянных, а «разовых». Причем во многих иных отношениях этот тип даже симпатичен. И дело знает, и способности налицо, и может быть аккуратным и даже инициативным. И халтурит не каждый день, и не с утра до вечера, а «разово»: два поручения исполнит прилично, а то и отлично, третье – так себе, четвертое – ну прямо из рук вон, а на пятом вновь обнаружит и обязательность, и умение...

Но он, как столб, не укрепленный в основании: ни за что не угадаешь, куда, в какую сторону упадет. Вот утром, не опаздывая, с большим портфелем бодро уходит в контору и ничем от аккуратных сослуживцев не отличается. Подтянут, свеж, весел. Садится к столу, но дьявол же его ведает, что сейчас сотворит: зло или благо?

Теперь все зависит, увы, не от того, каков он – «закоренелый» или «разовый», не от того, один ли он такой в конторе или их на беду собралось пятеро или шестеро, – а совсем от другого. Все зависит от объема ценностей, которыми ему (или им) в этот «халтурный» день по должности предстоит так или иначе распорядиться. Что у него (у них) в руках: десять наших общих казенных рублей или миллион?

* * *

«Лично неизвестен»

Миллион упоминаю не иносказательно, а буквально. Перед глазами два факта, случая, с которыми познакомили в Комитете народного контроля СССР.

Случаи похожи и, к сожалению, не уникальны.

В селе Панфилове волгоградской области шесть лет возводили сыродельный завод. Вбухали в стройку миллион двести тысяч рублей, завезли импортное оборудование. Из местных жителей подготовили сыроделов.

В поселке Дзякино Удмуртской АССР в это же время сооружали пункт перегрузки торфа с узкой колеи на широкую. Затратили более двухсот тысяч рублей, установили дорогой торфоперегрузатель...

Затем обе стройки были... прикрыты. Почему? «За ненадобностью».

Жители Панфилова и Дзякина, не видя в этом ни логики, ни хозяйского расчета («тратили, тратили деньги, и все забросили»), пожаловались в народный контроль...

У меня на столе копии официальных – на бланках – объяснений, присланных людьми, которых по их должностям нужно считать ответственными. А объяснения?

И.о. зам. начальника Главторфа Министерства топливной промышленности РСФСР Б.И. Кушов отвечает спокойно, даже элегически. Да, строили, да, тратили, да, прикрыли «за ненадобностью его» (торфоперегрузателя), а «все материалы и оборудование будут смонтированы и использованы на предприятиях торфяной промышленности» (прикиньте: значит, будут ломать, «размонтировать», перевозить, снова где-то строить и монтировать – и вбухают еще десятки тысяч рублей!). Никакой оценки происшествию Б.И. Кушов не дает, виновников не называет, наказать их не обещает...

Ответ заместителя министра мясной и молочной промышленности РСФСР В.И. Демина в Комитете народного контроля расценивают как вопиющий пример равнодушия к судьбе государственного имущества.

Добавлю: и откровенной безответственности. Документ стоит процитировать. В.И. Демин сообщает (та же элегичность стиля, хотя тут на ветер выбросили не двести тысяч, а более миллиона!):

«Сыродельный завод начат строительством в 1965 году по проекту, разработанному Волгоградским филиалом Гипромолпрома... По состоянию на 1 января 1972 года освоено 1,2 млн. рублей... Проектный институт при решении вопроса о строительстве сырзавода исходил из того, что в сырьевой зоне Калининского административного района... в 1965 году планируется закупить 24,4 тысячи тонн молока, в 1972-м – 35,3 тысячи тонн, что полностью обеспечивало загрузку мощности проектируемого завода... В дальнейшем при укрупнении административных районов Калининский район вошел в состав Ново-Анненского и Михайловского районов, а в сырьевой зоне Панфиловского завода – на 1975 год – предполагается закупить 17 тыс. тонн молока вместо намеченных ранее 35 тыс. тонн... Проектный институт Волгогипромясомолпрома повторными расчетами подтвердил нецелесообразность продолжения строительства указанного сырзавода...»

Зная предмет, могу засвидетельствовать: В.И. Демин обнаруживает элементарную малограмотность. Как могло укрупнение районов вызвать уменьшение молока в колхозах и совхозах? Коров, что ли, порезали при реорганизации? И что это за «стратегия отрасли», когда рядом ведутся дорогие стройки на ценном оборудовании, без учета их надобности? И что это за «научный» институт, который сперва «исходил из того», а потом, когда стройка в разгаре, «подтвердил нецелесообразность» собственного проекта?

На эти вопросы В.И. Демин не отвечает. И опять – ни политической оценки вопиющей бесхозяйственности, ни фамилий виновников, ни слова о том, а кто же ответит за бесцельную трату денег...

Я беседовал и с Б.И. Кушовым, и с В.И. Деминым.

Б.И. Кушов работает в министерстве недавно. О торфоперегрузчателе говорит, что эта затея родилась «еще при совнархозах» (а деньги на стройку тратились главком вплоть до 1971 года!), но торф перегружают кранами, и пункт попросту не нужен. Найти «персональных» ответчиков, считает Б.И. Кушов, «невозможно».

Трудней был разговор с В.И. Деминым. Что случай «некрасивый» – это он признал. Что ответ его «не совсем удачен» – с неохотой, но согласился. Что переправлять оборудование с Волги на Обь и нелегко, и накладно – подтвердил. А вот по вопросу о личной ответственности наши мнения разошлись.

– Какая личная ответственность?! – удивился Валентин Иванович. –

Начиналось еще при совнархозах. Инициатива областных организаций...

– Но деньги расходовали вплоть до прошлого года! Миллион двести тысяч рублей. Кто-то должен ответить?

Валентин Иванович сказал, что лично он не видит конкретных виновников. Но «если редакцию это интересует», может «вызвать в Москву проектировщиков и с ними разобраться.....»

Если редакцию интересует!

А министерство, ухнувшее зря такую уйму казенных денег, – оно, судя по письму, удовлетворено исходом дела?! И если редакцию не «интересует», никто наказан не будет?

По личному опыту и, по словам народных контролеров и работников отделов писем газет я давно знаю: труднее всего, разбираясь в фактах

бесхозяйственности и волокиты, «выудить» фамилии виноватых (впрочем, еще сложнее добиться настоящего, а не мнимого наказания тех, кто в ответе).

Есть еще руководители, которые, «не выдавая своих», стоят, как говорится, насмерть...

Некоторые же под эту – явную! – круговую поруку подводят базу «теоретическую»...

Однажды по просьбе читателя мне пришлось «пускать лифт» в новом четырнадцатизэтажном доме. Со дня полного заселения прошло сорок четыре дня, но лифт в доме не действовал, хотя и был... исправен (вполне!). Просто представители четырех контор (монтажники, эксплуатационники, ЖЭК и гостехнадзор) никак не могли собраться, чтобы засвидетельствовать подписями сдачу-приемку. То один не приходил, то другой. Очевидно, как я понимаю, дни «разовой» халтуры наступали у этих служащих не синхронно. А люди между тем – более трехсот человек! – ежедневно пешком взбирались на седьмой, десятый, двенадцатый и так далее этажи.....

Я побеспокоил конторы, говорил с начальниками и главными инженерами. Успеха не имел. Ни малейшего! Лифт не обещали пустить даже в ближайшие недели (а дело происходило в канун праздника). Но, что особенно поразило, собеседники даже не включились в мое эмоциональное состояние. Я им – взволнованно, гневно – про то, что триста или более трехсот человек испытывают крайние неудобства. Что это безобразие! Что случай беспрецедентный! Возмутительный! Что дело, наконец, опасное, поскольку среди жильцов есть старые, больные люди и возможны инфаркты, инсульты, и прочее, и прочее. А они, собеседники мои, начальники контор и главные инженеры, спокойно, без раздражения, но и без сочувствия, и как бы опуская все, что касается жильцов, их настроения и угрозы инфарктов, и не входя в оценку самого случая («беспрецедентный, возмутительный» – эти слова были пропущены мимо ушей), они – только о том, что их контора виновата меньше других...

Опуская подробности, скажу: с помощью председателя райисполкома лифт был пущен на другой день. А месяц спустя я снова обзвонил конторы. Осведомился: как же поступили с виновниками?

Но теперь на другом конце провода уже не извинялись, а негодовали. Чего, собственно, привязался? «Лифт пущен? Пущен. Действует? Действует. Ах, полтора месяца люди пешком ходили? Но ведь уже не ходят, а ездят. Ез-дят! Чего же еще надо?»...

В тоне начальников я ощутил встревоженность квочки, прикрывшей крыльями расшалившихся цыплят. Только бы не выдать их «чужому»! Никто – как я ни бился – не назвал фамилий виновных.

– Пишите так, – диктовал один, – РСУ виновато. Не понимаете? РСУ! Даю по буквам Родион, Станислав, Ульяна... Ах, не устраивает? А меня устраивает, что наш сотрудник случайно попадет в газету? Почему случайно? Да вы же случайно нарвались на этот лифт, могли и не нарваться. Тут мне один деятель поставил некомплект, я один мучился, ни один корреспондент не наскочил, и он остался в тени, а халтурщик такой, что пробы негде ставить. А моего – под огонь! Не дам! Лифт работает? Желая успеха!

Этот, видите ли, чтобы навести порядок у себя, ждал некоего «всеобщего усовершенствования». Другой – из ведомства, которое самым нахальным образом подвело двадцать колхозов, – не открывал имен обманщиков, ссылаясь на отсутствие... стимулов!

– Вы требуете наказания! – шумел он в трубку (а я ничего не «требовал», наказание само собой подразумевалось, так как было вполне заслуженным. – Г.Р.) – Но если наказывать, то надо и поощрять! А у нас нет фондов, мы не завод. И ставки одинаковые – чем же я отличу «чистых» от «нечистых»?! А потом выговоры в трудовую книжку не вписываются, им... цена, поняли? И безработицы нет. Я его накажу, обижу, а он помашет мне ручкой и уйдет – с чистенькой книжкой – в другую контору через улицу. Там тоже иногородние поставки, а он у меня мужик эмоциональный и пьющий. Знаете, что может учудить? Возьмет да и зашлет груз вместо Петропавловска в Казахстане в Петропавловск-Камчатский. Будет лучше? Ха-ха-ха...

Но тут же оборвал смех и добавил, как бы раскрывая важный секрет:

– Нет, я их все-таки держу в рамках! Чем? А если по их вине случится ЧП, сам расплачиваюсь! Восемь выговоров! Они это ценят и уж до крайности не распоясываются... Как вы верно заметили, халтурят не каждый день. Через раз...

Чувствовалось, очень он гордится своей самоотверженностью: «сам расплачиваюсь» – вот, дескать, на что иду, и не боюсь. Восемь выговоров за чужие грехи.

* * *

Стимул и санкция

Еще прошлой весной в колхозе имени Фрунзе – под Белгородом – я был удивлен суровейшим, а на непривычный взгляд прямо-таки «драконовским» распорядком.

Вот уже шесть лет ежедневно каждому работнику (а в колхозе тысяча семьсот человек!) от рядового ездового до «главных» – агронома, зоотехника, бухгалтера, диспетчера, начальников участков – всем, всем и каждому, повторяю, ежедневно ставятся баллы за качество их работы или службы, то есть деятельности. Что ни день, то в нарядах и ведомостях против всякой фамилии появляются цифры: единица, двойка, тройка, четверка. И так же неукоснительно – в соответствии с баллом – следует поощрение или санкция. Шестой год! За единицу («сработал по первому баллу») – сто десять процентов дневного заработка. За двойку – сто процентов заработка, но, как и в первом случае, право на годовую премию (дополнительную оплату), за тройку – минус десять процентов заработка и лишение части месячной премии (а это деньги немалые!). За четверку – брак явный, с материальным ущербом – полное лишение заработка за этот день и месячной премии (сумма весьма приличная!)

Поначалу меня, признаюсь, смутили именно всеобщность порядка и то, что санкции применяются не только к завзятым халтурщикам (их немного), но и к работникам хорошим, заслуженным, имеющим ордена, но допустившим ненароком какую-то промашку. Не унижает ли это достоинства хороших людей? Не оскорбляет ли их чести? Не обижает ли то, что польза, принесенная ими колхозу, намного перевешивает стоимость ущерба от случайного промаха, а за него все равно – неукоснительно! – взыскивают? При мне председатель колхоза Василий Яковлевич Горин «наказал» третьим баллом агронома, которого и ценит, и хвалит. Агроном, «замотавшись», не договорился как следует о сортовых семенах, а послал за ними машины, и вышел холостой пробег. И – третий балл, и минус круглая сумма. Справедливо ли? Так в том-то

и соль, что социальная справедливость тут совершенно неоспорима: ты нанес ущерб коллективному хозяйству и, будь добр, расплачивайся, независимо от твоих заслуг...

Около месяца прожил в колхозе и убедился, что при «драконовском» распорядке люди чувствуют себя свободно (не распущенно, а именно свободно), потому что порядок нелицеприятен, распространен на всех, а верность балльных оценок под постоянным и строгим общественным контролем. Кстати, весь Белгородский район второй год работает по этой системе (только считают по-школьному: за хорошую работу не единица, а четверка).

Вижу лицо пронизательного читателя: ну вот, мол, опять открыто лекарство «от всех болячек»! мало их было, «панацей», – теперь «балльная система»! Распространить ее директивно на все конторы и предприятия – и все сделается само собой? Конец и халтурщику, и чиновнику? Больницы будут строиться без задержки, лифты включатся мгновенно, бесцельные траты денег прекратятся? Так? Если бы так!

Сколько уж раз мы, резко столкнувшись с каким-то отрицательным явлением, начинаем заново изобретать велосипед, выдумывать некое «новое» организационное противоядие. А законы у нас и без того хорошие. И если порыться в справочниках, можно найти «статьи» и против безответственности и бесхозяйственности, и халтуры, и волокиты, не говоря уж о браке и воровстве. Но, конечно, совершенствовать и управление, и порядок личной ответственности полезно. И, вероятно «балльная система» неплоха, хотя и не универсальна и не обладает автоматическим «самодействием». Как и аккордно-премиальная оплата, и бригадная ответственность за качество, вводимая в земледелии и на стройках... Речь о другом! Не о панацеях.

И в колхозе имени Фрунзе «балльная система» – всего лишь помощница в той огромной и разветвленной – ежечасной! – работе, которую коммунисты ведут в большом коллективе. Тут и экономические стимулы, и общественный контроль, и гласность, и прочее, и прочее – целый арсенал средств...

Безнаказанность атакуется по всему фронту. Но и Василий Яковлевич Горин, и секретарь райкома Альберт Семенович Семин, умница, один из интереснейших молодых партработников, с которыми я подружился в последние годы, толкуя обо всем этом, подчеркивают прежде всего глубинность проблемы...

Идет напряженная пятилетка, и каждому трудовому успеху, рекорду, подвигу на строительных лесах мы радуемся еще и потому, что верим в открытую Лениным *силу* доброго *примера*. Но часто ли задумываемся над тем, что и безнаказанность, увы, обладает немалой «воспитывающей» функцией?

Несколько лет я чинил и чистил пишущую машинку в одной мастерской. Всегда спешил и, какось, платил трешки и пятерки за срочный ремонт «без квитанции». Впрочем, мастера и не делали из этого тайны: договаривались и получали деньги при заведующем и приемщице: такой был «климат». Но вот позапрошлым летом меня встретил новичок, парнишка лет 18, внимательный и опрятный. Как он копался в преискурантах, чтобы меня не обсчитать! Как трепетно диктовал цены приемщице! И сделал все, как надо. Прошел еще год, я застал того же парнишку, только повзрослевшего, с бачками и усиками. Меня он не узнал. Машинку взял небрежно и громко, никого не стесняясь, хотя рядом сидели заведующая и приемщица, объявил: «Пятерка – и все дела!»

Боже мой, его уже просветили, выучили, превратили в барыгу! А день был солнечный, яркий и мастерская была освещена: на стенах висели лозунги о пятилетке, и праздничная стенгазета, и доска показателей, не хватало только таблички: «Вас обслуживает коллектив коммунистического...», но и она могла оказаться: мастерская-то, вероятно, выполняла планы.

И тут, может, впервые с такой ясностью возникла мысль, а всякий ли коллектив – коллектив?

И еще: если безнаказанность так скоро превратила честного парнишку в барыгу, то не способна ли она превращать и вполне взрослых аккуратных служащих сперва в «разовых», а потом «закоренелых» халтурщиков, а начинающих волокитчиков в отпетых, изощренных чинуш? И не опаснее ли для нас именно это растление душ, чем даже материальный ущерб от безнаказанности? Раз – простили, второй – оборонили, третий – «не выдали», и вот он, готовенький! Куда его девать?

Но разве мы с ней не воюем, с безнаказанностью? И тысячи и тысячи народных контролеров – честь и хвала им и всеобщая поддержка, этим прекрасным и самоотверженным людям. И общественные организации, и административные органы. И наш брат, выступающий в газетах.

Но если появляются все новые факты – значит, воюем недостаточно. Да и явление, коли иметь в виду его нравственный смысл, не такое, чтобы с ним можно было справиться «одним махом». Борьбу надо усиливать, а о зле говорить полным голосом. И если XXIV съезд партии и Пленумы ЦК резко, прямо, со всей остротой вскрывают недостатки и в экономике, и в управлении, и во всех звеньях нашего аппарата и требуют повышения ответственности – это признак не слабости, а силы. И выражение традиций народа, партии...

...Недавно перечитывал работы Ф.Э. Дзержинского, в том числе и последнюю речь, произнесенную за считанные минуты до смерти, на Пленуме Центрального Комитета партии. Феликс Эдмундович говорил: «Я не щажу себя... Я никогда не кривлю своей душой; если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них...»

Не щажу! Со всей силой обрушиваюсь! Заповедь большевика. И завет наследникам...

...Мы немало пишем сегодня о сохранении земель, вод, чистоты воздуха и при этом непременно упоминаем потомков. Оставить им в порядке планету! Но ведь нам, строителям нового общества, надобно еще передать потомкам и чистую нравственную атмосферу. И когда вспоминаю того парнишку, что и с моим участием превратился в барыгу, больно от того, что он станет зрелым человеком, когда меня не будет на свете. А у него появится сын...

Безнаказанность – зло. И заострять разговор о нем менее опасно, чем приуменьшать, затушевывать. Воевать же с ним – обязанность. Перед страной. Перед социализмом. Перед нашими современниками. И перед теми, кто сменит нас...

Литературная газета. 1973. 21 марта